

Дорогие коллеги!
Нынешний выпуск «Читающей России» переносит нас в эпоху, которая во многом отличается от сегодняшних реалий. Не только потому, что в те времена не было ни мобильной связи, ни мессенджеров, ни искусственного интеллекта, хотя всё это важно для мировосприятия педагога и учащегося. Как воспринимались в реалиях XX века, в советской традиции принципы воспитания детей в труде? Какую роль в этом процессе должна была играть школа? Категоричного, односложного ответа на этот вопрос не существует. Напряжённая дискуссия шла десятилетиями – и ситуация менялась. Поэтому так важно сегодня изучать то, что писали об этом теоретики и практики, фиксировавшие реальное положение дел и намечавшиеся задачи. Приглядимся к тому, что писали А. С. Макаренко и его последователи. Что удавалось воплотить, что приходилось корректировать? К этому стоит прислушаться. Не для того, чтобы попытаться что-то воспроизвести, но для того чтобы надёжнее вооружиться знаниями о тех механизмах, которые характерны для всех времён.
Все материалы в рубрике предоставлены Библиотекой имени К. Д. Ушинского, без которой немыслима научная работа педагогов.

Арсений Замостьянов, заместитель главного редактора журнала «Историк»,
член редколлегии журнала «Народное образование»

А. С. Макаренко

МАРШ 30 ГОДА

Сочинения. Том 2. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1950. 495 с.

Утро в коммуне

Ночь. Все в коммуне спят, только дневальный бодрствует. В вестибюле возле памятных мраморных досок — стоит небольшой дубовый диванчик. Это место дневального.

В карауле бывают по очереди все, без исключения, коммунары. Каждый дневальный стоит на карауле два часа. Совет командиров назначает на две пятидневки разводящего, который освобождается от всех работ в коммуне и обязан следить за правильностью смен дневальных и за правильными исполнением ими своих обязанностей. Разводящий является начальником караула в коммуне и вечером сдаёт рапорт о состоянии сторожевого сводного отряда. Сторожевым отрядом считаются коммунары, дежурившие по караулу в течение дня.

Редко в этом рапорте отмечаются ошибки дневальных. Коммунары — народ дисциплинированный, и в коммуне, кажется, не было случая, чтобы дневальный не во-время явился на пост или ушёл с поста самовольно. Вот только с новенькими коммунарами бывают иногда скандалы. Заснет на дневальстве парень, а уж тогда ни один коммунар не откажется взять и унести винтовку.

Бедный страж просыпается и сразу сознаёт, что беда непоправима. Придётся ему всё утро провести в поисках винтовки, и хорошо, если удастся найти похитителя и уговорить его возвратить винтовку. В большинстве же случаев бывает, что винтовка находится уже после того, как весть о позорном поведении дневального облетит всю коммуну, и со всех сторон на сонливого стража посыплются вопросы:

— А где же твоя винтовка?
— Что же это ты оскандалился?

Однажды проезжая педагогическая комиссия пришла в ужас:

— Что это у вас за казарма? Зачем эти часовые?

Кое-как нам удалось убедить педагогов, что без часовых нам жить никак невозможно: и беспорядок будет в спальнях и грязь. Ведь в коммуну ходит много посторонних людей, которые считают, что если они принесут в коммуну каких-нибудь полкилограмма пыли и грязи, то это пустяк, о котором не стоит говорить.

Коммунары же хорошо знают, что принесённую на сапогах пыль завтра нужно убирать и щётками и тряпками, да и то, конечно, всю не уберёшь,— много её попадёт в лёгкие.

Эти соображения немного убедили педагогов. Но тогда возник вопрос:

— А зачем ему винтовка? Стрелять-то ведь он не будет.

На этот вопрос ответить было уже труднее. И в самом деле, дневальный не будет стрелять, да и патронов у него нет. Но коммунары очень дорожат этой винтовкой в руках дневального. Это символ его значения, это знак того, что ему доверено коллективом очень много — охрана коллектива. Коммунар знает также, что его винтовка в руках — это прообраз будущей винтовки, которую ему нужно будет взять в руки для защиты своей рабочей страны и своей революции. И если теперь ему приходится за этой винтовкой ухаживать и за неё отвечать, то это облегчит ему усвоение будущих военных обязанностей.

К тому же винтовка в руках — это просто удобно и целесообразно. Каждому проходящему — и своему и постороннему — сразу ясно, что перед ним дневальный, которому нужно подчиняться без всяких споров.

Дневальный коммунар имеет право сидеть, он должен вставать только при появлении заведующего коммуной, дежурного по коммуне и командира сторожевого отряда. Мы таким образом превращаем

дневальство в гимнастику внимания и зоркости, обостряем слух и глаз и приучаем коммунара к тому молчаливому сосредоточению, которое необходимо часовому.

Та же педагогическая комиссия возмущалась:

— Ведь это же безобразие! Стоит мальчик, молчит и ничего не делает. Хоть книжку ему дайте, всё-таки с пользой проведёт время. Ведь так стоять страшно неинтересно.

Присутствовавший тут же представитель ГПУ, человек военный и не отравленный педагогическими «теориями», даже побледнел от удивления.

— Как вы говорите? Часовому читать книжку?.. Да разве это возможно!

Одним словом, мы совершаем это педагогическое преступление, и наш дневальный стоит с винтовкой.

Обыкновенно дневальные коммунары очень строги. В рапорте дневального отмечаются самые мельчайшие нарушения санитарной и общей дисциплины: «Баденко не закрыла за собою двери», «Котляр не вытер ноги», «У Орлова пальто без вешалки».

Сторожевой отряд имеет право всякое пальто без вешалки сдать в кладовую, и собственнику пальто после этого придётся хлопотать у секретаря совета командиров — получать ордер на выдачу его пальто из кладовой..

Недавно дежуривший на дневальстве Петька Романов записал в рапорт самого заведующего производством, всеми уважаемого Соломона Борисовича Левенсона — за то, что на предложение вытереть ноги Соломон Борисович возразил: «Зачем же? У меня ноги чистые». Пришлось Соломону Борисовичу на общем собрании коммунаров извиняться и приводить объяснения: «Занят очень, много приходится бегать, иногда и забудешь».

Много дела днём нашему дневальному, но и ночью ему скучать не приходится. Ночью в здании коммуны не остаётся ни одного взрослого, так как квартиры сотрудников все в других домах, а дежурства воспитателей в коммуне нет. Дневальный запирает двери, как только сотрудники разойдутся, запирает кабинет заведующего и проверяет, все ли окна в доме закрыл дежурный отряд. У вечернего дневального карточка, на которой он записывает, кого нужно будить раньше других. Эта карточка передаётся следующим дневальным.

Раньше всех нужно будить старшую хозяйку. Эта должность возлагается чаще на мальчиков, но название её сохраняет по традиции женский род. Ключ от кухни хранится у старшей хозяйки, и с её приходом начинается кухонная жизнь.

После старшей хозяйки поднимается дежурный по коммуне или — сокращённо — ДК. Отличает его красная повязка. Всех дежурных по коммуне девять. Их коллегия избирается общим собранием вместе с советом командиров на три месяца, обычно из старших коммунаров. ДК организует весь рабочий день коммуны. ДК обходит коммуну, подписывает у старшей хозяйки ордера

в кладовую,, проверяет все помещения коммуны и получает у дневального ключ от кабинета заведующего. Без четверти шесть дневальный будит дежурного сигналиста. Сигналистов ложе девять. Каждый ДК имеет у себя постоянного, прикреплённого к нему трубача, с которым он сработался. Трубачом в коммуне быть — дело не простое. Сигналов очень много, все они более или менее сложны, поэтому почти все трубачи набираются из оркестра:

Ровно в шесть разливается по коммуне сигнал. Это весёлый дробный мотив. К нему давно подобрали слова, как и к большинству сигналов:

> Ночь прошла. Вставайте, братья!
> Исчезают тень и лень.
> Блещет день.
> За мотор,
> За станок и за топор!
> Нам
> Встать пора к трудам!

Притихшая в предутреннем сне коммуна вдруг наполняется шумом.

Коммунары немедленно приступают к уборке. Уборочных отрядов у коммунаров нет, мы не имеем возможности отрывать от производства лишнюю рабочую силу. У нас снимаются с производства только ДК, командир сторожевого и старшая хозяйка. Уборка же производится всеми коммунарами авральным способом. Наладить эту уборку было делом далеко не лёгким. Только в совете командиров пятого созыва порядок уборки был выработан окончательно. Каждое утро нужно убрать всю коммуну, то есть вымыть полы там, где нет паркета, подмести, вытереть пыль на стенах и на вещах, протереть окна, поручни лестниц, убрать в уборных, вычистить медные части, поправить гардины и занавесы. Это — огромная работа, и её вполне хватит на сто пятьдесят человек коммунаров.

Самое распределение этой работы — разделение всей территории коммуны между уборщиками и в особенности распределение орудий уборки — оказалось в своё время сложнейшей задачей, требующей изобретательности и чёткости. В настоящее время работа по уборке распределяется советом командиров в очередном заседании в девятый день каждой декады, на декаду вперёд. Наряд даётся на отряд. Работа по уборке в том или другом пункте определяется числом очков, например:

Убрать уборную . . . . . .4 очка
Убрать пыль в классе 2
Подмести «громкий» клуб 4
Вытереть пыль в «тихом» клубе 4
Вытереть пыль с поручней лестниц . .3
Вытереть пыль в кабинете 1
Подмести кабинет 1
и т. д.

В общей сложности это составляет семьдесят пять очков, то-есть на каждых двух коммунаров приходится одно очко. В согласии с этим каждому отряду полагается известное количество очков, например: для десятого отряда четыре очка, потому что в отряде восемь коммунаров, а для первого отряда — семь очков, потому что здесь коммунаров четырнадцать. Секретарь совета командиров заранее заготовляет

билетики. На одной стороне билетика написано название работы, а на другой обозначено только число очков. Все эти билетики раскладываются на столе номерами вверх, и каждый командир набирает себе столько очков, сколько полагается для отряда. Очередь отрядов по вынниманию билетиков всё время передвигается. Если в прошлую декаду начинали с первого отряда, то теперь начинают со второго, а в следующую будут начинать с третьего. Каждому отряду предоставляется право обменяться своим билетом с другим отрядом, если будет достигнуто соглашение. Когда все такие междуотрядные соглашения закончены, секретарь совета командиров записывает, что кому попалось, и всё это объявляется в приказе вечером от имени совета командиров. Копия приказа выдаётся санитарной комиссии. Каждый отряд получает на декаду орудия уборки. Работа по уборке считается не произведённой, если она не сдана командиром или его помощником дежурному члену санитарной комиссии. Для этого ДЧСК обходит все помещения по приглашению отряда, внимательно проверяет, как подметен пол, как протёрты стёкла, как вытерта пыль. Когда все отряды уборку сдали, дежурный член санитарной комиссии подходит к ДК и рапортует ему:

— Уборка сдана.

Только после такого рапорта ДК может распорядиться о дальнейшем движении дня. Если же этого рапорта нет, день задерживается. Мы привыкли в таких случаях не «париться» и не волноваться.

Недавно третий отряд очень плохо убрал верхний коридор. Дежурный член санитарной комиссии отказался принять уборку. Третий отряд был того мнения, что уборка проведена хорошо, что пыль на батареях — дело не существенное и что ДЧСК просто придирается.

Отряд сложил свои орудия производства и заявил, что уборку он повторять не будет.

ДК попробовал поговорить с отрядом по совести, но отряд заупрямился, и его командир, белобрысый парень Агеев Васька сказал:

— Чепуха какая — пыль на батареях! Это дело генеральной уборки. Смотри ты: засунул руку чёрт его знает куда! Хорошо, что она у него, как соломинка. А у нас и руки ни у кого такой нет.

Дежурный член санитарной, маленький юркий Скребнев сверкает белыми зубами.

— Смотрите, у них руки для уборки не годятся! Скоро скажете — полы не будем мыть, нагнуться никак нельзя, видите, животы какие нажили.

Швед, помощник командира, мягкий и ладный, серьёзно обращается к своему командиру:

— Скажи, пускай уберут ребята. Можно послать на батареи Кольку, он просунет руку.

Агеев — руки в карманы и кивает на Скребнева:

— Записывай в рапорт! А я запишу, что ты придираешься, как бюрократ.

Сидим на диване у парадного входа, нас любопытно рассматривает умытое глазастое утреннее солнце.

Подходит ДК — маленький, подвижной и совсем юный Сопин. Он — старый коммунар и комсомолец. Он сам состоит в третьем отряде и не раз даже командовал им. Сонин усаживается рядом со мной и подымает жмурящееся лицо к солнцу.

— Вы знаете, Антон Семёнович, опаздываем уже на десять минут, а эти лодыри, третий отряд, до сих пор не сдали уборки.

Я, не выпуская изо рта папиросы, так же спокойно говорю:

— Что ж ты будешь делать? Ведь это твои корешки?
— Да вот и не знаю, что делать. Понимаете, с командиром тоже ссориться не хочется.

Агеев Васька хохочет.

Налетает сердитый взлохмаченный Фомичев и орёт:

— Чего вы держите? Уже давно на поверку...

Сопин непривычно для него жёстко заявляет:

— Сигнала не дам, пока не скажет ДЧСК. Моё дело маленькое.

Швед опять трогает за рукав Агеева:

— Пошли кого-нибудь, чёрт с ними! Я бы и сам пошёл, да жду здесь Ваньку, он обещал сдать щётки.

Агеев отрицательно качает головой. Фомичев «парится на три атмосферы», как говорят ребята, и кричит:

— Через вас, смотри, уже четверть часа!
— Ну, хорошо,— говорит Агеев. — Уберём.

Через пять минут подходит к Сопину Скребнев и салютует:

— Уборка сдана.

Сопин кивает чёрной, как уголь, головой востроглазому Пащенку, и тот прикладывает сигналку ко рту. Звенят в сияющем утреннем воздухе раскатистые бодрые призывы: «Собирайтесь все!»

Вечером в этот день ДК отмечает в рапорте: «По дежурству в коммуне всё благополучно. Утром задержан завтрак на пятнадцать минут по вине третьего отряда».

Председатель собрания смотрит на командира третьего. Агеев пробует улыбаться и нехотя вылезает на середину.

— Ну, что ты скажешь? — спрашивает председатель.
— Да что я скажу? — вытягивается командир.

По тону его и по тому, как он держится, чувствуется, что настроен он вяло, сказать ему нечего.

— Там эти батареи, так никак туда руку...

Он замолкает, потому что в зале смеются. Все очень хорошо знают, что тут не в руках дело. Сколько раз уже эти самые батареи проверялись санкомом!

— Больше никто по этому вопросу? — спрашивает председатель.

Все умолкают и ждут, что скажет дежурный заместитель.

ДЗ сегодня самый строгий. Это Сторчакова, секретарь комсомольской ячейки. Она всегда серьёзна и неприветлива, и ничем её разжалобить невозможно. Агеев, видно, утром забыл, кто сегодня ДЗ, иначе он был бы сговорчивее.

— Три часа ареста,— отчеканивает Сторчакова.

Агеев тянет руку к затылку.

— Садись,— говорит председатель.

После собрания Агеев подходит ко мне.

— Ну что, влопался? — спрашиваю его.

— Я завтра отсижу.

— Есть.

На другой день Агеев сидит у меня в кабинете. Читает книжку, ^заглядывает через окно во двор. Он арестован.

— Что, скучно? — спрашиваю я его.

— Ничего,— смеётся он.— Ещё час остался.

Такие оказии, впрочем, бывают чрезвычайно редко. Уборка обычно не вызывает осложнений в коллективе, настолько весь этот порядок въелся в наш быт. Вот разве только новенькие напутают. В прошлом году ДК так и не добился от новеньких уборки в вестибюле и с негодованием отметил в рапорте, что вестибюль не был убран. Оказалось потом, что ребята слово «вестибюль» поняли так, что им поручено «мести бюст», и действительно вылизали на славу бронзовый бюст Дзержинского в «громком» клубе.

Когда уборка кончена, трубач даёт сигнал на поверку. По этому сигналу бегом собираются коммунары по спальням, потому что поверка не ждёт, и неизвестно, с какой спальни она начинается.

Поверка это — ДЗ, ДК и ДЧСК.

При входе поверки каждый командир командует:

— Отряд, смирно!

Коммунары вытягиваются каждый возле своей кровати, и дежурный по коммуне приветствует отряд:

— Здравствуйте, товарищи!

Ему отвечают салютом и приветствием, и начинается самая работа поверки. Каждый коммунар должен доказать, что он оделся, как полагается, что он убрал постель, что у него чисто в ящике шкафа и что он не забыл почистить ботинки и помыть шею и уши. Разумеется, старших коммунаров только в шутку можно попросить:

— Повернись-ка, сынку!

Зато малышей и новеньких поверка действительно поворачивает во все стороны, заглядывает им в уши, поднимает одеяла

и иногда даже просит показать, как надеты чулки и не грязны ли ноги.

Теперь в коммуне очень редко бывают в рапортах неожиданности по данным поверки. Только Котляра, одного из самых младших членов десятого отряда, приходится часто выводить на середину. Общее собрание уже привыкло к его страшной неаккуратности и почти потеряло надежду что-нибудь с ним сделать. Часто раздаются голоса:

— Да довольно с ним возиться! Пускай командир выходит на середину. Почему не смотрит за пацаном?

Мизяк не смотрит? Мизяк с этим Котляром возится больше любой матери. Но что тут поделаешь, если самая фигура нескладного, корявого Котляра просто не приспособлена для одежды.

До сих пор Котляр не умеет зашнуровать ботинок, а ведь живёт в коммуне больше года. Штаны на нём всегда выпачканы и почему-то всегда изорваны, даром что меняют ему одежду постоянно.

Котляр на средине безучастно слушает негодующие речи и смотрит на председателя широкими рачьими глазами.

И председатель и ДЗ машут на него руками:

— Садись уже, довольно стоять.

Последней поверяют спальню девочек. Там всегда идеально прибрано. Только Сторчакова иногда скажет самой младшей:

— Покажи, как шею вымыла.

Поверка окончена. Все спускаются вниз, и труба играет:

«Все в столовую!»

Завтрак.

В машинном цехе

После завтрака, в половине восьмого проиграли «на работу». Нечётные отряды идут в мастерские, чётные — в школу.

В здании коммуны собираются воспитатели-учителя, к мастерским подходят рабочие и инструкторы. Через три минуты никого уже не видно в коридорах и во дворе. Только ДК в красной повязке что-то рассчитывает у дневного расписания, повешенного в коридоре внизу.

Шум затихает лишь на несколько минут. Скоро начинается новая симфония. Раньше всех закричит шипорез в машинном цехе деревообделочной мастерской. Он наполняет коммуну гулким ветровым шумом, перемежающимся с отчаянным визгом пожираемого машиной дерева. Каждый дубовый брусок начинает с громкого вскрика, потом вдруг орёт благим матом и, наконец, испустив истошный последний вскрик, в стоне замирает. А вот на циркулярке дереву, видно, даже умирать приятно. Циркулярка в течение целого дня звенит весёлым, торжествующим звоном, аккомпанируя острому дурашливому крику дерева. Фуговальный гудит кругло и по-стариковски ворчливо.

В машинном цехе утром работают восемь коммунаров из третьего отряда. Между ними ходит, поправляет и проверяет их высокий и худой инструктор Полищук начавший с беспризорности, а кончивший приобретением большой квалификации и вступлением в партию. У него» с коммунарами отношения приятельские.

Сейчас коммуна делает большое дело: оборудует мебелью новый Электротехнический институт в Харькове. Институт открывается осенью этого года.

Много коммунаров собирается поступить на рабфак института.

Мы делаем сотни дубовых столов, стульев, табуреток, чертежных столов и пр., всего на пятьдесят тысяч рублей. Всё это нужно закончить к 15 августа, и поэтому в деревообделочной мастерской «запарка».

Машинный цех буквально завален деревом, обрезками, деталями и полуфабрикатом, назначенным для сдачи в сборный цех. Целыми штабелями лежат под стенами и у машин ножки, царги, проножки, планки и прочая столярная благодать. Коммунары покрыты дубовой пылью, у них страшные и смешные запылённые очки.

Самый маленький здесь Топчий, приёмыш коммуны. Как-то осенью, в темную и мокрую ночь его папаша, селянин с Шишковки, в состоянии непозволительно весёлом напоролся на часового у пороховых погребов. На первый окрик отмахнулся пьяной рукой, на второй — выразился пренебрежительно, и снял его часовой.

Черноволосый и круглоголовый Топчий — малый способный, напористый и рассудительный. Он с первых же дней, невзирая на свой рост и возраст, потребовал от совета командиров, чтобы ему дали настоящее дело. Командиры его осадили высокомерно:

— Молодой ещё! Посмотрим, что из тебя выйдет.

Но уже через два месяца сказали командиры:

— Э, Топчий парень хороший.

Очень скоро назначили Топчия в третий отряд и дали ему долбежный станок. Теперь он, почти не отрываясь, разделывает на этом станке шиповые пазы и отверстия для скреплений.

Самая тонкая работа в машинном цехе выпала на долю Шведа. Он — на ленточной. Швед — большой политик и оратор. Как только он прибыл в коммуну из коллектора, тотчас же обратился в совет командиров с письменным заявлением. Он писал, что хочет работать в коммунарском активе и просит дать ему такую именно работу. Это заявление возмутило и взволновало коммунаров:

— Как это, в активе? Что это, совет командиров будет актив назначать? Посмотрим, как он в мастерских поработает.

Вместе со Шведом пришёл из коллектора его друг Кац.

Трудно объяснить, что могло связать Шведа и Каца. Швед умён, начитан, очень развит. Он, пожалуй, даже не в меру серьёзен, только в его серьёзности нет ничего напряжённого и сухого.

В его огромных чёрных глазах какая-то старая, недетская печаль. Он мягок и вдумчив. Коммунарский стиль чистоты и подтянутости он усвоил очень быстро.

Совсем другое дело — Кац. Только очень плохая семья могла воспитать и вытолкнуть в люди такого разболтанного, никчёмного мальчика. Работать он не захотел. Он прямо заявил, что не собирается быть ни столяром, ни слесарем и вообще к деятельности этого рода он себя не готовит. Стыдно ему было оставаться в коммуне без работы, но в мастерских от него не было никакого толку. Зато он убивал много времени на поддерживание каких-то невыясненных связей в городе: не было дня, чтобы его кто-то не вызывал по телефону, или чтобы он не просился в отпуск по самым срочным делам. Из отпуска он приходил всегда с опозданием, и ДК с утра ругался, что нужно искать замену и кого-то передвигать с места на место. Благодаря всему этому Кацу часто приходилось выходить на середину на общих собраниях. К разным рапортам и жалобам на Каца скоро прибавились и его жалобы на коммунаров: тот толкнул, тот придирался, тот что-то сказал. На поверку выходило, что никто не виноват. Каца начали ненавидеть. Не было дня, чтобы в совете командиров или на собрании кто-нибудь не заявлял: «Нам такие не нужны». Коммунаров доводило до остервенения высокомерие Каца и его неаккуратность: «Ленивый, грязный».

Швед очень мучительно переживал неудачи своего товарища, тем более, что к этим неудачам присоединились и его собственные. После его заявления о желании вступить в актив над ним посмеивались, и хотя он держался крепко и никогда не попадал в рапорт, общая оценка Шведа была в коммуне невысокой. Дело кончилось неожиданным взрывом.

Тимофей Денисович, заведующий нашей школой, подал в совет командиров заявление, в котором просил назначить Шведа его помощником. У нас помощники Тимофея Денисовича зимой освобождаются от другой работы. На них лежит много обязанностей: вести учёт школьной работы и посещаемости, заведывать учебниками, учебными пособиями, наглядными пособиями и музеем школы. Фактически Швед, как и его предшественники, должен был стать руководителем командиров школьных групп.

Это очень почётная роль в коммуне, она требует знаний и уменья деликатно обращаться с книгами, картами, банками, ретортами и т. д. В совете командиров неохотно пошли на назначение Шведа, предлагали других кандидатов. Но против старых квалифицированных и знающих коммунаров были возражения со стороны организаторов производства, которые отказывались снимать с работы настоящих мастеров. Ребятам помоложе было бы трудно вести сложную работу с школьными группами. Наконец, настаивал на своём Тимофей Денисович. Ему уступили, хоть и неохотно.

— Ничего в коммуне не сделал, походил по сводным отрядам две недели и уже в активе. Так нельзя! Просто «латается», не хочется работать в мастерской, да и всё тут.

Швед подал заявление. В нём он писал, что в коммуне есть антисемитизм, что

ребята преследуют его и Каца потому только, что они — евреи. Я просил указать лица и факты, но Швед сказал, что он боится назвать фамилии. Я передал его заявление общему собранию.

Собрание было оглушено и возмущено. Действительно, заявление было явно неосновательным. В коммуне много евреев, много евреев и среди рабочих, есть и евреи воспитатели. Никогда в коммуне не было национальной розни.

На собрании долго говорили о необоснованности заявления и выдвинули обвинение против Шведа и Каца в явно придирчивом и нетоварищеском отношении к коммунарам. Указывали, конечно, на плохую работу и нечистоплотность Каца, на неосторожное стремление Шведа в актив. Такие «радикалы», как Редько, высказывались прямо:

— Довольно заниматься чепухой! Они не могут указать фактов, нечего тут и разбирать. Не нравится им в коммуне, потому что здесь работать нужно,— пусть уходят, никто их не держит.

Большинство требовало, чтобы Швед назвал лиц, которых он обвиняет в антисемитизме, возмущалось его страхом.

— Что, у нас бандиты, что ли? Пусть кто-нибудь попробует здесь заниматься этим делом,— и вы увидите, чем это кончится! Вот в девятьсот двадцать восьмом году один такой нарвался из коллектора, так что долго с ним церемонились? В два счёта вылетел. А вы какое имеете право бояться? Значит вы не настоящие коммунары, а какие-то гости.

Коммунары евреи были также очень поражены. Юдин, Каплуновский и другие обрушились на Шведа, обвиняли его в том, что он вносит раздор в среду коммунаров, утверждали, что по отношению к себе и к другим евреям они встречали только товарищеское отношение. Высказывались на собрании по этому вопросу только старшие коммунары; малыши притихли и держались выжидательно. А между тем именно с их стороны раньше раздавались голоса против Каца.

Кончилось дело тем, что выбрали комиссию для более подробного расследования. Комиссия ничего из заявления Шведа не подтвердила, и это дало основание совету командиров на ближайшем же заседании вновь поднять вопрос о преждевременности включения Шведа в коммунарский актив.

Для меня было совершенно очевидно, что в своей жизни Швед много пережил обид на почве национальной розни, и у него выработалось уже привычное ожидание новых обид и преследований. Поэтому, вероятно, он взял на себя и защиту Каца, который встречал неприязненное к себе отношение ещё в коллекторе. К мальчику, подобному Кацу, в среде коммунаров всегда сложилось бы определённое отношение, независимо от того, к какой национальности он принадлежит.

Шведа сняли и назначили в столярную мастерскую. «Пусть поработает, тогда из него настоящий коммунар выйдет». Я не возражал, так как на самом деле это было полезно для Шведа.

Швед был крайне подавлен всей этой историей. Его удивляло и обескураживало,

что он так нечаянно и неожиданно оказался в противоречии со всем коллективом. Но в то же время видно было, что он признал правоту коллектива.

В дальнейшем Швед дал доказательства и большой воли и здравого ума. Неожиданно для всей коммуны, будучи дневальным, он занёс в рапорт по сторожевому отряду Каца и на собрании напал на него искренно и горячо:

— С такими коммунарами, конечно, трудно жить.

Если ему говорят — покажи ордер, а он отвечает: «Ты уже заелся?», так это не коммунар, а шпана!

Собрание довольно холодно выслушало оправдания Каца. Капом перестали интересоваться и давно уже перестали продёргивать его на собраниях. Так всегда бывает, когда в глазах коммунаров кто-нибудь становится безнадёжным, когда его уже не считают членом коллектива.

Кац это тоже понял. В тот же вечер он пришёл ко мне и просил отправить его к родным в Киевский округ. Совет командиров, которому я представил заявление Каца, на экстренном заседании дал согласие на этот отъезд.

Швед всё-таки провожал товарища до шоссе.

С тех пор на глазах стал расти Швед. Уже через месяц совет командиров согласился на просьбу Васьки Агеева назначить Шведа помощником командира третьего отряда. Почти в то же время Швед прошёл в редколлегию стенгазеты и скоро стал её председателем. Наконец, его выбрали кандидатом в ДК, и он теперь часто носит красную повязку, выполняя ответственнейшую и труднейшую работу в коммуне. В третьем отряде, одном из лучших отрядов коммунаров, Швед сделался общим любимцем. Товарищи гордятся его развитием, его уменьем говорить, всегда выдвигают его в разные делегации. Он теперь чувствует себя в коллективе свободно и уверенно.

1 июня третий отряд, после долгой борьбы, занял первое место, главным образом, благодаря работе Шведа, на которого «старик» Агеев Васька (который, между прочим, по возрасту моложе Шведа) возложил почти все функции командования. Агеев не скрывал этого, и при торжественной передаче знамени отряду-победителю знамя принимал не сам Агеев, а Швед. Он в этот вечер был подчёркнуто ладно одет, такими же подтянутыми явились и его ассистенты. Их лица выражали сдержанное торжество и готовность серьёзно бороться за своё первенство.

Швед и сейчас работает в машинном цехе столярной мастерской. Это для него оказалось во всех отношениях полезным. Даже на способе выражаться это отразилось очень положительно. Швед оставил прежнюю манеру низать одна на другую книжные фразы и щеголять утомительными, бесконечными периодами: его язык приобрёл живость и простоту.

В машинном цехе Швед нашёл и товарищей и самого себя. Он деятельно готовится в вуз и прекрасно понимает, что его производственная работа занимает выдающееся, место в этой подготовке.